

ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ СМЫСЛА

**ПРОФЕССОР В.И. ГОЛДИН:
ИСТОРИК, ПОЛИТОЛОГ, НАУКОВЕД,
МЕЖДУНАРОДНИК, ПУТЕШЕСТВЕННИК**

К 70-летию доктора исторических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Владислава Ивановича Голдина

Сборник

Архангельск
2021

УДК 94
ББК 63.3(2)
Ж71

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук **А.В. Ганин**,
доктор исторических наук, профессор **В.В. Кондрашин**,
М.Л. Марченков (составитель),
доктор исторических наук, профессор **Ф.Х. Соколова**,
кандидат филологических наук, профессор **Э.Я. Фесенко**

Жизнь, полная смысла. Профессор В.И. Голдин: историк, политолог, науковед, международник, путешественник:
Ж71 К 70-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владислава Ивановича Голдина: сб. / сост. М.Л. Марченков. – Архангельск: Лоция, 2021. – 288 с.: ил.
ISBN 978-5-6046682-5-2

В сборник, посвященный юбилею известного российского ученого, профессора В.И. Голдина, включены статьи коллег и представителей его научной школы, поздравления, материалы о его научной и педагогической деятельности и библиографический список трудов.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, всех интересующихся проблемами истории, политологии, международных отношений и науковедения.

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6046682-5-2

© Марченков М.Л., составление, 2021
© Издательство «Лоция», 2021

А.В. Ганин

УКРАИНСКИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ ПОЛКОВНИКА Н.Е. КАКУРИНА

Изучение истории Гражданской войны в России почти невозможно представить без двух книг – «Как сражалась революция» и «Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии». Автором первой и основным автором второй (наряду с И.И. Вацетисом) был человек интересной, но печальной судьбы Николай Евгеньевич Какурин (1883–1936). Самую острую фазу Гражданской войны Какурин провел на Украине, где служил в различных украинских армиях. Попробуем понять, почему он сделал именно такой выбор.

Николай Евгеньевич Какурин родился в Орле 4 сентября 1883 г. в семье полковника, впоследствии – генерала от инфантерии Е.Н. Какурина. В семье было трое детей. Николай окончил 2-ю Житомирскую гимназию, а в 1904 г. – Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду. Из училища вышел подпоручиком в 30-ю артиллерийскую бригаду.

В 1910 г. он окончил Императорскую Николаевскую военную академию и был произведен в штабс-капитаны. В одном выпуске с ним были такие видные в будущем советские военные деятели, как В.Е. Гарф, Н.В. Соллогуб, Н.А. Сулейман, С.Д. Харламов и Б.М. Шапошников, а как один из лидеров белого лагеря прославился П.Н. Врангель, получил известность у белых и В.И. Сидорин. Однокашником Какурина также являлся будущий белый агент в РККА генерал А.Л. Носович (впрочем, ко времени поступления Какурина на службу в РККА Носович уже давно пере-

шел к белым). Интересно, что с ноября 1910 по ноябрь 1912 г. Какурин командовал ротой 17-го пехотного Архангелогородского полка в Житомире, а командиром полка в это время был будущий вождь Белого движения на Юге России генерал А.И. Деникин. Как выпускники академии они неизбежно должны были общаться. Деникин, несомненно зная о трудах Какурина и вспомнив о совместной службе, в своих «Очерках русской Смуты» и в других работах не упомянул его имя. Если бы их отношения были плохими, он бы легко мог это сделать, но предпочел промолчать, следовательно, понимал, что положительное упоминание сослуживца могло навредить тому в СССР. Впрочем, это лишь предположение.

Какурин принял участие в Первой мировой войне, пройдя путь от капитана до полковника. Служил обер-офицером для поручений при штабе X армейского корпуса, исполнял должность старшего адъютанта отделения Генерального штаба крепости Перемышль, был помощником главного руководителя работ по постройке позиции в Луцком районе по тактической части, состоял в распоряжении генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии, а также исполнял должность начальника штаба 71-й пехотной дивизии. 29 июля 1916 г. командующий дивизией генерал Н.А. Монкевиц писал и.д. генерал-квартирмейстера Ставки генералу М.С. Пустовойтенко, что Какурин – «во всех отношениях особо выдающийся офицер Генерального штаба». С августа 1916 г. Николай Евгеньевич стал исполняющим должность начальника штаба 3-й Забайкальской казачьей бригады в составе отдельного корпуса генерала Н.Н. Баратова в Персии и одновременно начальником штаба Урмийского отряда.

За годы войны был награжден орденами Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и Св. Станислава 2-й ст. с мечами.

В октябре 1917 г. Какурин уехал с фронта в отпуск к семье в Киев. Там был дом его родителей. По-видимому, это и стало решающим фактором, повлиявшим на его последующее участие в Гражданской войне. Уже 27 ноября его назначили командиром 7-го Кавказского стрелкового полка, но эту должность полковник так и не занял, оставшись на жительство в Киеве. Сам офицер от-

мечал, что уехал в Киев к семье. Знавший его потомков историк А.П. Ненароков в одной из статей подтвердил это, а позднее, наоборот, указал, что в революцию Какурин потерял следы супруги Эльвиры-Анны Леопольдовны (урожденной Мерелли) и двух маленьких дочерей, а воссоединилась семья лишь в конце 1921 г., когда глава семьи получил известность в качестве крупного военачальника Красной армии. Впрочем, где в 1917–1921 гг. находилась жена и дочери Какурина, если не в родительском доме, историк не пояснил.

О последующем выборе Какурин сообщил в показаниях по делу «Весна»: «Я первое время ходил как в тумане. Также ходили и некоторые сослуживцы. Помню однажды, один из них пригласил собраться у него на квартире обменяться мнениями и потолковать. Пошел. Собралось человек 10. Пришел генерал Абрам Драгомиров. Говорил о верности обязательствам к Антанте, о необходимости восстановить фронт и продолжать войну до победного конца, о том, что с Дона должно прийти спасение в лице Добровольческой армии и т.д. Мне не понравилось все это. Тогда уже до очевидности ясно у меня было, что этого-то, т.е. до войны в союзе с Антантой до победного конца русский народ как раз и не хочет, а значит, из кого же будет состоять армия – преимущественно из офицеров; значит, нечто кастовое. А отсюда вспоминалась история армии Кондэ первой французской революции и ее судьба. На этом деле решил поставить крест».

По свидетельству Какурина, «приход армии Муравьева в Киев и ряд стихийных эксцессов, имевших там место, внушили мне большой страх к большевикам и на время уничтожили желание ближе познать их. Думалось, что это разбушевавшаяся стихия, в некоторых своих проявлениях могущая внушить отвращение».

С 8 марта 1918 г. Какурин служил в украинской армии. О своих мотивах он впоследствии несколько сумбурно свидетельствовал: «Начал думать, что украинское движение в оформлении и возглавлении тогда [Украинской Центральной] Рады и представляет какое-то народное движение. Правда, Рада выбросила лозунг самостоятельности, но мыслилось, что в конце концов этот лозунг отживет, как одно из конъюнктурных исторических явлений, мыслилось, что и Советская Россия как-то трансформируется – возникнет из всего хаоса какая-то общая демократическая власть». Якобы он

согласился служить при условии пребывания «на такой работе, которая избавит меня от необходимости участвовать в войне между братскими народами, к которой тогда у меня было сильное отращение еще даже подсознательное».

Его карьера у украинцев была впечатляющей. 10 марта полковник стал 2-м генерал-квартирмейстером Генерального штаба, а 4 апреля занял пост помощника начальника Генерального штаба Украинской народной республики (УНР) и Украинской державы войскового старшины А.В. Сливинского. Будущий военный министр УНР, а в этот период помощник военного министра генерал А.П. Греков впоследствии отметил: «Могу с глубочайшим удовлетворением вспомнить тот порыв, с которым принялись за организационную работу все отделы вновь созданного министерства. Особенно много сделал в этот период помощник начальника Генерального штаба полковник Какурин». Однокашником Какурина по академии был видный украинский военный деятель, еще один будущий военный министр УНР генерал В.Н. Петров. Судя по всему, у Николая Евгеньевича были некоторые сложности с украинским языком – он пытался писать резолюции на нем, но в сложных вопросах предпочитал русский.

В советское время Какурин написал, что вооруженные силы гетманской Украины «не вышли из состояния фикции», а в показаниях по делу «Весна» отметил, что «для России вообще особого вреда от этой работы, а именно на должности 2-го квартирмейстера, которую мне дали, быть не может, так как никакой организации украинской армии украинскими или русскими руками немцы все равно сделать бы не позволили, а поэтому творчество штатов будущих частей, разработка их будущей дислокации, перевод и сочинение уставов, списки Ген[ерального] штаба и пр. – все это носило формы довольно невинного бумажного творчества».

Украинские войска Какурин не покинул и после падения режима гетмана П.П. Скоропадского, перейдя на службу Директории УНР, что было необычно в связи с параноидальным преследованием русских офицеров петлюровцами. В частности, в газете «Украинская Ставка» в начале марта 1919 г. был опубликован призыв Главного информационного бюро армии УНР к читателям присылать через газету доносы на Какурина и на еще одного офицера – войскового старшину О.Г. Рака: «Во время строительства соб-

ственной Украинской народной республики и одновременной борьбы с многочисленными врагами внешними и внутренними, особенно важно бороться с врагами скрытыми: замеченные и изгнанные в одном месте, они перекидываются в другое, где их никто не знает и делают свою вредную работу. И не раз для того, чтоб отвести от себя подозрения, прикидываются они наискреннейшими защитниками УНР и наветами, и интригами пятнают настоящих искренних работников на украинской ниве, а то и подводят их под наказания, аресты и т.д. . .

Среди бывших ранее в армии людей есть немало таких неукраинцев, которые охотно берутся выполнять техническую работу, не вмешиваясь в политику. Вот их, несомненно, необходимо использовать, но так, чтоб они не вредили нам. Для этого нужно знать их прошлое.

Чтоб не было в дальнейшем места провокации, а с другой стороны, чтоб на ответственные посты не пролезли ненадежные люди, мы заводим в газете “Украинская ставка” особый отдел “Кто что знает”, в котором будем помещать фамилии и имена тех, кто хочет занять ответственную должность в армии. Общественность же просим сообщать, кому и что известно негативного против означенных лиц. Желательно, чтоб подавались не слухи, а факты с указанием фамилий, имен, места событий, месяца, дня, свидетелей и пр.

В связи с этим просим уведомить, кто что знает против:

1. Бывшего начальника штаба VI корпуса Рака.
2. Бывшего помощника начальника Генерального штаба Какурин».

Несмотря на это, Николай Евгеньевич служил в Действующей армии УНР в качестве помощника начальника штаба Холмско-Галицкого фронта. На этот пост его назначили 30 декабря 1918 г. Как пояснил сам Какурин в показаниях по делу «Весна», «Я выбрал противопольский фронт, который главным образом состоял из галицкой армии, так как Галичина объявила свою независимость тотчас после австрийской революции и частично этот фронт на своем правом фланге, на Волыни, должен был состоять из украинских войск. Поступая так, я считал, что этим своим действием я не приношу вреда ни будущим Украине и России, когда окончательно оформятся их отношения, потому что, мыслилось мне, им

все равно придется бороться с экспансией Польши на восток; толкали меня на этот шаг мои тогдашние патриотические побуждения». С марта 1919 г. он стал помощником военного министра УНР А.А. Шаповала. Деятельность Какурина как квалифицированного генштабиста высоко оценивал командующий Галицийской армией генерал М.В. Омелянович-Павленко.

Сложно сказать, что, кроме места жительства семьи, могло связывать орловского дворянина Какурина с Украиной. В одном из украинских списков Генерального штаба он в 1918 г. о своей связи с Украиной сообщил, что здесь учился и служил. Однако такое объяснение не дает ответа на вопрос, почему наш герой столь длительное время находился на службе в различных украинских армиях. Быть может, ключевой являлась проговорка в показаниях по делу «Весна»: «Просто хотелось отсидеться на месте, разобраться в обстановке». По-видимому, первоначально он не стремился втягиваться в братоубийственный конфликт, а жизнь на Украине в 1918 г. как раз позволяла следовать такой стратегии. Придерживался этого Какурин и в дальнейшем.

Впрочем, это не защищало от неприязни ни со стороны белых, ни со стороны красных, ни даже со стороны самих украинцев, которым офицер служил. Видный участник Белого движения на Юге России генерал Б.А. Штейфон, руководивший в 1918 г. Харьковским Центром Добровольческой армии, вспоминал: «Среди вольных и невольных перелетов, чувство особо острого осуждения вызывали помощник военного министра генерал Лигнау и помощник начальника Генерального штаба полковник Какурин.

Обоих я знал хорошо, с обоими у меня были в прошлом добрые отношения. Оба они ничего общего с украинством не имели и являлись типичными перелетами – карьеристами. Узнав, что оба они в Киеве служат не за страх, а за совесть и считаются носителями украинской идеи, я написал обоим резкие письма, осуждая их измену общерусскому делу. Конечно, подобный мой поступок был не более, как донкихотством, но моя совесть всегда требовала активных протестов».

Деникинские разведчики дали Какурину в период его пребывания в украинских войсках в 1919 г. такую характеристику: «Карьерист, сменявший ориентацию в зависимости от политической обстановки. Офицер без всяких принципов. Начал службу при Цен-

тральной Раде». При этом украинские офицеры считали Какурина, наоборот, проденикински настроенным.

С мая 1919 г. Какурин перешел на службу в Украинскую Галицийскую армию. С 1 мая он занимал пост начальника штаба генерал-инспектора армии, а затем по июль служил начальником штаба IV Галицийского корпуса. Какурин участвовал в Украинско-польской войне 1918–1919 гг. и в походе объединенных армий УНР и Западноукраинской народной республики на Киев и Одессу в 1919 г. Позднее служил в штабе армии и состоял в резерве, разделив судьбу этой вооруженной силы. В ноябре 1919 г. галицийцы сдались белым, а в марте 1920 г. перешли на сторону красных. Показательно, что за два года верной службы различным украинским режимам в разгар Гражданской войны Какурин так и не стал украинским генералом. В марте 1920 г. он отправился в Киев, где заболел возвратным тифом. Позднее он выехал в Москву, где его ждал арест.

Рассуждая впоследствии о своем переходе к красным, Какурин впоследствии отмечал: «Твердых оформленных политических убеждений, которые можно было бы назвать советскими у меня тогда еще, по совести говоря, не было, но, предлагая свои услуги для борьбы на польском фронте, я, как теперь себя анализирую, исходил по существу из прежней установки и видел в Красной армии, наконец, ту армию, которая явилась для меня действительной русской армией, значит, я тогда действовал еще [из] чисто патриотических убеждений».

7 мая 1920 г. Какурин, прибывший в столицу 1 мая, был арестован в Москве Особым отделом ВЧК. В то время проверка перешедших из антибольшевистских армий офицеров нередко производилась посредством их ареста. Арестованный не был допрошен, ему задали лишь несколько незначительных вопросов. Генштабист жаловался в московский политический Красный Крест. По его словам, «сущность дела заключается в том, что по-видимому Особый отдел В.Ч.К. инкриминирует мне исполнение должности 2го генерал-квартирмейстера украинского Генерального штаба в начале 1918 г. Дело обещали рассмотреть через 2-3 недели, но до сих пор не допрошен. Поясняю, что должность 2го генерал-квартирмейстера была исключительно административно-научно-хозяйственная, не имела никакого отношения к боевым действиям

и вообще я никогда против России и советских войск, принципиально уклоняясь от борьбы на внутреннем фронте, участия не принимал, в период моей украинской службы все время сражаясь на польском фронте, за что и попал в польском проскрипционном списке при первой возможности добровольно явился в Москву в Всероссийский главный штаб. В ряде заявлений в Особый отдел В.Ч.К., Всероглавштаб и н[ачальни]ку оперативного управления полевого штаба Реввоенсовета республики, ходатайствую о разборе моего дела и скорейшей отправке меня на фронт. Арестован и не допрошен уже 2^й месяц.

Прошу выяснить положение моего дела и решение моей участи. Н. Какурин». Вскоре последовало освобождение, после которого генштабист поступил на службу в РККА и блестяще себя проявил.

В июне 1920 г. Какурин оказался в распоряжении Всероссийского главного штаба и таким образом попал в Красную армию. Памятуя о пережитом, он явно старался выслужиться в новой армии, чтобы загладить контрреволюционное прошлое. В 1921 г. даже подал заявление о вступлении в ряды РКП(б), хотя до этого не проявил себя в качестве приверженца большевистских взглядов. Впрочем, судя по показаниям Какурина, документы на некоторое время затерялись, заявление не было удовлетворено, и он остался беспартийным. Тогда же, стремясь подчеркнуть свою лояльность, он опубликовал этюд «Стратегия пролетарского государства, ее задачи и методы подхода к ним». Эта работа была написана под влиянием идей М.Н. Тухачевского, изложенных им еще в конце 1919 г. в лекции «Стратегия национальная и классовая» перед слушателями Академии Генерального штаба РККА.

Если верить позднейшим показаниям Какурина, в советской власти он увидел объединительницу государства и защитницу его от внешнего врага, по-видимому, надеясь на определенную эволюцию этой власти.

Значимую роль в закреплении Какурина в рядах РККА сыграло его сотрудничество с М.Н. Тухачевским, сложившееся в 1920 г. во время совместной службы на Западном фронте. Со временем они стали близкими друзьями. И.И. Вацетис даже обозвал Николая Евгеньевича подголоском Тухачевского. 13 июля 1920 г., в разгар Советско-польской войны, Какурин командировали в

распоряжение начальника штаба фронта, которым командовал Тухачевский. Последовал стремительный для вчерашнего офицера антибольшевистских армий карьерный взлет. С 23 июля он – начальник штаба 8-й стрелковой дивизии, с 5 августа – 10-й стрелковой дивизии, с 17 по 22 октября – уже временно командующий 4-й армией, а с 24 октября по 31 декабря – командующий 3-й армией, а с 28 декабря – второй помощник командующего Западным фронтом.

Перейдя сравнительно безболезненно в РККА, Какурин пытался зарекомендовать себя в новой армии и загладить вину за службу в антибольшевистских формированиях. Для этого он даже подал заявление о вступлении в РКП(б), но принят не был. В дальнейшем проявил себя как успешный военачальник, за что был награжден орденом Красного Знамени. Возможно, сказала протекция М.Н. Тухачевского.

Попав после Гражданской войны на преподавательскую и военно-научную работу, Николай Евгеньевич проявил себя в качестве крупного ученого, труды которого сохраняют свое значение до сих пор. Близость к Тухачевскому, способствовавшая карьере, сыграла с Какуриным злую шутку. Он не только находился под негласным наблюдением, но и был арестован из-за внимания ОГПУ к Тухачевскому как неформальному лидеру советской военной элиты. Следствие получило от Николая Евгеньевича компрометирующие Тухачевского показания, которые были использованы сталинской группировкой для давления на Тухачевского с недвусмысленной угрозой ареста. Шесть последних лет жизни Какурин прожил в местах лишения свободы, будучи арестован по политическим мотивам и став жертвой политических игр. Умер он в Ярославском политизоляторе, а страна лишилась многих ценных военно-исторических трудов, которые он мог бы написать при иных условиях.